

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.15838/sa.2021.2.29.2

УДК 316.4 | ББК 60.561.2

© Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Ушакова Ю.В.

О СООТНОШЕНИИ ДЕФИНИЦИЙ СОЦИОЛОГИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ, СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ¹

ЧАСТЬ 2

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА АНДРИАНОВА

Тюменский государственный университет
Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
г. Тюмень, Российская Федерация
e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru
ORCID: [0000-0002-7769-9206](https://orcid.org/0000-0002-7769-9206); ResearcherID: [R-3798-2017](https://orcid.org/R-3798-2017)

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ДАВЫДЕНКО

Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация
e-mail: vlad_davydenko@mail.ru
ORCID: [0000-0001-8389-4254](https://orcid.org/0000-0001-8389-4254); ResearcherID: [R-4047-2017](https://orcid.org/R-4047-2017)

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА УШАКОВА

Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация
e-mail: ushakovajuli@gmail.com
ORCID: [0000-0002-6671-6066](https://orcid.org/0000-0002-6671-6066); ResearcherID: [A-2792-2019](https://orcid.org/A-2792-2019)

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий»).

Во второй части статьи предпринята попытка провести верификацию единства социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий на основе мультипарадигмальной нарративной модели и эмпирических авторских исследований с целью дальнейшего изучения их конструктивистских компонентов, а также для того чтобы понимать социальный мир изучаемых респондентов как участников общего исследования и связанных с ними действий, определяя при этом явные и неявные причинно-следственные связи. Теоретическую основу данного эмпирического подхода составляют критический реализм, социальный конструктивизм и институционализм, что, по мнению авторов статьи, позволяет адекватно интерпретировать эмпирические социальные явления. Эмпирическая верификация предложенных выше гипотез (о слабой совместимости научных дискурсов рассматриваемых концептов социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий; о том, что точками их возможного соприкосновения должны выступать нарративы, которые могут быть конкретными репрезентирующими форматами опосредования между значениями, смыслами и содержаниями этих концептов) проведена на базе 60 глубинных интервью с применением методов контент-анализа, технологий нарративного (И. Троцук) и типологического (Г. Татарова) видов исследования. В частности, проведен контент-анализ глубинных интервью по авторской тематике развития сельских территорий, предложена нарративная амбивалентная модель отношения между властью и сельскими жителями, где на одном полюсе «Власть помогает, есть диалог с властью», на другом полюсе «Власть не помогает, нет диалога с властью», следствие – иждивенчество и другие формы деструктивного поведения на селе. Предложенные авторами дополнительные методологические основы для изучения причинных механизмов, ключевых процессов и причинно-следственных связей способствуют более глубокому пониманию полученных результатов теоретико-эмпирического исследования наблюдаемых социальных и организационных явлений на селе, операционализируемых и верифицированных на «стыках» и междисциплинарных границах социального пространства, социальной географии, социологии сельских территорий, критического реализма, социального конструктивизма и институционализма.

Социология сельских территорий, социальное пространство, социальная география, социология сельского хозяйства, сельская социология.

Данные

Поскольку этот раздел особенно важен для эмпирических исследований, в которых использованы малоизвестные массивы данных, авторы должны пояснить читателю природу и источники этих данных, методологию их сбора и формирования выборок, оценить надежность и представительность, оговорить возможные ошибки, связанные с процессами и способами сбора информации, ее измерения и анализа.

Тематический репертуар самой проблематики, содержания и методов эмпирического опроса основан на авторской концепции гранта РФФИ «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий», целью которого было выявление социально-экономических, экологических

и институциональных аспектов развития сельских территорий, сельского хозяйства в регионах на уровнях макро-, мезо- и микроакторов. Конкретные социологические исследования проводились на территории Тюменской области, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (ХМАО и ЯНАО). Основная часть полевых исследований была проведена летом 2020 года в Тюменской области и частично в ХМАО и ЯНАО, но в связи с быстрым распространением пандемии коронавируса в северных округах экспертные опросы и глубинные интервью пришлось приостановить.

Во второй части статьи приводятся и анализируются данные транскрибированных глубинных и экспертных интервью из выборки 60 человек – по трем группам из

20 человек, соответственно, представителей бизнеса, власти и общественных организаций (структуры вопросов-гайдов даны в таблице 1). Эмпирическая часть нашего исследования соответствует рубрике «Неформализованные данные: методы сбора и анализа» в рамках качественной стратегии опросов и обсуждения возможностей использования неформализованных данных [1, с. 51], ключевые идеи которой были реинтерпретированы для изучения актуальных проблем сельских территорий Тюменской области: насколько хорошо сложившаяся аграрная институциональная структура удовлетворяет требованиям социально-экономической устойчивости сельского развития; должна ли парадигма развития сельского хозяйства оставаться прежней или концептуально и практически она должна быть изменена; какие институциональные факторы и формы развития сельских территорий в настоящее время отвечают потребностям устойчивого и безопасного развития.

Один из ключевых вопросов для экспертов звучал следующим образом: возможно ли сделать так, чтобы «точки роста» в отдельных сельскохозяйственных предприятиях стали точками развития сельских территорий? Важные особенности методов сбора текстовых данных на базе неформализованного интервью преследовали цель адекватно отразить современное состояние и возможные векторы развития тюменского села (мем «Тюмень – столица деревень» до сих пор имеет значение, особенно для «глубинного народа» в расположенных далеко от областного центра, заброшенных «глубоких глубинных деревнях»).

В структуре интервью выборки по трем группам из 20 представителей бизнеса, власти и общественных организаций были представлены соответствующие вопросы для экспертных оценок, фиксирующих ценности, восприятие, установки (готовность), ментальность, коммуникативные реакции респондентов относительно реальной институциональной структуры и динамики развития сельских территорий и предприятий агропромышленного комплекса (АПК),

государственных (федеральных и региональных) программ поддержки; описания экономических, рыночных и политических факторов и механизмов такой поддержки; выявления компонентов культуры, экологии, социальных инициатив, приближения к селу города, формирования городской агломерации; выделения успешных местных региональных практик развития сельских территорий, разработки и внедрения инновационных экологически ориентированных решений, применения цифровых и инновационных технологий; определения тенденций влияния изменения климата на экономическую деятельность, возможных рисков и их восприятия; выявления и характеристики основных проблем сельских территорий; определения специфических типов человеческого и социального капитала в сельских территориях; оценки эффективности воздействия социально-экономических и экологических компонентов на развитие сельскохозяйственного производства и продовольственной безопасности с учетом необходимости инновационных решений.

Научная новизна полученных эмпирических данных представлена разработанным авторами статьи интегративным подходом, обобщающим концепции экономической социологии, социологии села, социологии рынков, социологии эмоций.

Теоретическим результатом эмпирической части проекта выступают конструкты современных социокультурных, институциональных и властных оснований экономического действия на селе, типов хозяйственной мотивации и рациональности, а также выявляемых типов иррациональности, сопряженных с оценкой развития конкретных сельских территорий.

Методологические решения вопросов типологического и нарративного анализа данных

Актуальность постановки задач типологизации объектов связана с тем, что они возникают в практически любом эмпирическом исследовании, хотя и служат достижению различных целей.

Согласно релевантной парадигме Г.Г. Татаровой с коллегами, стратегия типологического анализа² трактуется как исследовательская стратегия особого вида, которая дает возможность адекватно структурировать конкретную задачу и произвести выбор тех или иных методов сбора и анализа эмпирических данных [1–6]. Важно выделить как минимум три составные части в совокупности типобразующих признаков в соответствии с приписыванием этим частям трех функциональных ролей: первая часть играет роль прямых непосредственных характеристик изучаемого явления; вторая часть описывает всевозможные условия его существования; третья часть призвана объяснить существование различных типов этого явления в определенных условиях социальной действительности [3, с. 57]. Отметим понятность и убедительность этих предположений, их удобство и практический смысл в рамках предложенных нами критического реалистического, институционалистского и предметно-ориентированного подходов.

Актуальность постановки задач нарративного анализа данных сопряжена с самим форматом метатеоретизирования, применяемого как в социологии, так и в географии («метагеополитическое пространство», «метагеография» (знания на стыке науки, философии и искусства), «метагеография городов, сел и деревень» (на географическую карту накладывается слой образных дискурсивных репрезентаций) [8]), практически в любой гуманитарной науке.

Так, согласно Дж. Коулману (James Coleman), метатеоретизирование – это всеобщая метатеоретическая структура, которая может быть описана как концептуальная основа социальной теории, что включает объяснение поведения социальной системы с помощью трех компонентов: влияния свойств системы на ограничения или ориентации акторов; действия акторов, которые находятся внутри системы; сочетания или взаимодействия этих действий, приводящих к системному поведению. Такая схема в связи

с общей ориентацией на социальную теорию должна и может быть полезной для оценки и направления любых гуманитарных исследований [8, с. 27].

П. Штомпка (Piotr Sztompka) опирается на сильные метатеоретические предположения разрабатываемой им «третьей социологии», которая, по его мнению, находит новую собственную исследовательскую область, конкретные методы и концептуальные модели в социологии повседневной жизни. Метатеория социологии повседневной жизни получает шанс отказаться от чисто описательной, анекдотической манеры повествования, укореняясь в сильных предположениях «третьей социологии». Этот особый подход открывает новые познавательные возможности для социологии [9, с. 27].

П. Штомпка обосновывает свой метатеоретический подход тем, что в современной мировой социологии наблюдается сдвиг в социологическом методе от количественных массовых опросов, которые доминировали в течение многих десятилетий, к более качественным подходам: наблюдению, тематическим исследованиям, глубинным интервью, интерпретации «эго-документов», т. е. личных записей опыта (письма, истории жизни, семейные фотографии), анализу социального изображения как особенно интересного новшества. Он считает, что многие текущие исследования сосредоточены на простейших и наиболее типичных человеческих переживаниях, которые могли бы раскрыть их тонкие коллективные и межличностные измерения и внутренние механизмы, при этом большинство из этих работ носит описательный, аналитический и типологический характер. Очевидно, П. Штомпка абсолютно убежден, что новые попытки построить полномасштабные объяснительные теории должны быть сосредоточены на повседневной жизни [10].

Метатеоретические предпосылки «третьей социологии» опираются на концепт социального существования с богатым онтологическим подтекстом, который несет в себе

² Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях: учебн. пособие. М.: Новый учебник, 2007. 206 с.

сообщение о том, что социальный мир – это не что иное, как межличностное поле, межчеловеческое пространство, наполненное встречами, контактами, взаимодействиями, отношениями, социальными связями, которые охватывают у людей весь спектр от любви и близости до интересов и контрактов, от сотрудничества до конкуренции, от согласия до ссоры, от мира до войны. Вовлеченность людей в отношения с другими людьми проявляется только в нашем повседневном опыте. Центральная концепция «третьей социологии» – это методологический аналог акцента на повседневной жизни, поворот к качественным методам. Все другие аспекты общества – макроструктуры, макропроцессы, культуры, цивилизации, технологические системы, организации, институты – на самом деле существуют не где-то снаружи, а внутри нашего социального существования и проникают изнутри в простейшие повседневные события, в которых мы обычно участвуем [10, с. 8]. Для презентации нашего собственного эмпирического исследования нам импонирует идея П. Штомпки о том, что повседневная жизнь обычно локализована в пространстве, она происходит в определенных местах – дома, на улице, в церкви, на спортивной площадке, и характер места в значительной степени определяет характер, стиль, форму и содержание социальных событий [10, с. 10]. Этот момент жестко связывает концепт социальной географии и социологии сельских территорий.

Однако возникает простой вопрос: какова объяснительная продуктивность этой концепции и в чем конкретно состоит путь к социологии качественного исследования повседневной жизни?

Используем формат метатеоретизирования, предложенный П. Штомпкой, – это поиски ответов на вопрос, что именно мы исследуем и каким именно образом (следует также вспомнить основной вопрос социологии из системной теории Н. Лумана (Niklas Luhmann) «о том, что происходит и что за этим стоит (что за этим кроется)» [11]).

Смысл научной проблемы, которую таким амбивалентным способом обозначал

Н. Луман и частично решению которой посвящена статья, выражается в возможных теоретических последствиях указанного двунаправленного процесса, которые на практике проявляются в соответствующих сюжетах операционализации и верификации данных, получаемых в полевых экспедициях, что отражается в критическом переосмыслении социологии сельской местности на основе получения авторских эмпирических данных и реинтерпретации современных мировых контекстов социологии села.

В этом пункте возникает также проблема метатеоретического поиска, вектор которого задал Н. Луман. Популярными сегодня понятия «дискурс», «текст», «нарратив» стали широко использоваться в социологических исследованиях, но до сих пор не решена проблема дефиниции ключевых понятий.

На наш взгляд, вполне адекватный ответ на вопрос Н. Лумана представила И. Троцук: «Когда претендуем на проведение нарративного, дискурсивного, биографического или иного типа анализа, (не) применяя математические операции для интерпретации текстовых (неформализованных) данных, необходимость метатеоретического поиска в этой области диктуется отсутствием здесь единообразно теоретически и эмпирически интерпретируемого концептуального словаря, критериев корректной номинации аналитических подходов и принципов выбора как общей модели работы с текстовыми данными, так и конкретных методических решений» [12, с. 13].

Направления метатеоретического поиска лежат в основе прояснения категориального аппарата, объединения концептуальных подходов в модели, нуждающиеся в понятийном единстве, которое намечается к сведению методических решений к контент- и нарративному типам анализа, ясных группировок данных по очевидным проблемам. По нарратологии и нарративному повороту в гуманитарных науках опубликовано достаточно много разнообразных статей, включая хэндбук, подготовленный группой нарратологов мирового уровня [13], а также рецензии [14]. Среди отечественных подходов – нарратив

рассматривается как культурная модель [15]; определение самого понятия (дефиниции) нарратива с точки зрения коммуникативного, структурного и лингвокультурологического подходов [16]; модели анализа нарративов [17], модели нарративного анализа, сопряженные со стилями идентичности [18]; нарратив как время смысла или нарративный модус временной перспективы [19]; актуальность нарративного разума [20]; соотношения структуралистского и феноменологического подходов в нарративном целеполагании [21]; нарративизм в социальной философии [22]; нарративный анализ как понимающий метод [23]; применение нарративного анализа в исследованиях культуры [24]; «нарративный поворот» в современной философии истории [25].

Список работ по нарративам в гуманитарных науках на сегодняшний день достаточно длинный, следует упомянуть работы ведущих авторов по анализу нарративов в социологии – Г.С. Батыгина³, А.С. Готлиб [26] и И.В. Троцук [12; 27–28]. Эти работы содержательны, ограничимся только одним кратким афоризмом: различая три способа интерпретации связи между социологическими переменными, Г.С. Батыгин определял «интерференцию» как логический анализ, «контингенцию» – как статистический анализ, а «нарратив» – как риторически убедительный рассказ, основанный на иллюстрациях и кейсах. Когда что-то излагается в нарративной манере, многие логические и статистические процедуры уступают место историческим иллюстрациям, литературным аллегориям, описаниям случаев «из жизни», а доказательность заменяется риторической убедительностью. Есть очень важный социологический нюанс: наблюдения перестают быть «случаями» и начинают говорить, только если они организованы в пространстве признаков.

Как вполне обоснованно объяснял Г.С. Батыгин, анализируя подходы Т.И. Заславской и ее коллег в решении задачи типологиза-

ции социально-территориальной структуры аграрного сектора СССР, было необходимо обосновать вертикальные уровни этой структуры, определить элементы каждого уровня и изучить горизонтальные и вертикальные связи между элементами. Совершенно ясно, что сельские территории республик, краев и областей значительно отличались по характеру социально-экономического развития и не могли выступать в качестве единиц анализа. В роли объектов типологизации трудно было рассматривать и сельские районы, поскольку многие из них включали качественно разнородные территории. Наиболее однородными были поселения. Однако использование их в качестве единиц оказалось неподходящим для анализа социально-экономической инфраструктуры села. Поэтому для Т.И. Заславской и ее коллег паллиативом стал выбор единиц областного уровня. В результате многомерной типологизации они разделили сельские территории страны на 12 классов, из которых четыре идентифицировали как неаграрные, а восемь – как принадлежащие аграрному сектору. Выделенные типы регионов описывались, в частности, такими переменными, как «доля населения старшего возраста», «половая структура старшего населения», «уровень рождаемости», «доля детей и подростков», «доля молодого населения», «образование», «половая структура молодого населения», «сальдо миграции» и «занятость населения». Указанные переменные относятся к единице, сконструированной как «тип региона»⁴.

На наш взгляд, в современных условиях Г.Г. Татарова вряд ли легко одобрила типологизацию сельских территорий подобного рода. Подразумевается следующее: количественные характеристики «типа региона» до сих пор имеют научное значение, но наряду с этим стали преобладать качественные методы, включая нарративный анализ, который начал конкурировать с типологическим анализом.

³ Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: учебник для высш. учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 1995. 286 с.

⁴ Там же. С. 88.

Для социологической трактовки нарратива важна проблема смысла и контекста. Человек выбирает и адаптирует доступные нарративные формы для конструирования и выражения повествований в соответствии с собственным пониманием социокультурной реальности. Словам, предложениям, текстам и контекстам всегда присущ некий смысл, который проявляется во взаимоотношении слова, предложения, текста с контекстом их появления. При этом нарратив является не описанием некой реальности, а как бы «инструкцией» по ее определению и пониманию.

Полученные эмпирические результаты и их обсуждение

Приводимые в этой статье авторские оценки нарративов важны не сами по себе, они являются аргументами в поиске ответов на главный вопрос, сопряженный с целью выявления наиболее значимых компонентов нарративов наряду с подчеркиваемыми достоинствами каждой из исследуемых предметных областей социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий. Утверждают, что социологи недавно обратились к нарративу всерьез, хотя сама социологическая деятельность предполагает «сбор историй» (посредством интервью), «рассказывание историй» (о современности, о политике и т. п.). Вместе с тем надо понимать, что нарратив (narrative) – это просто «языковой акт», вербальное изложение, рассказ, повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное в виде последовательности слов или образов. Суть нарратива в отображении некой последовательности событий. Но в отличие от рассказа, сказки или повести нарратив – это «объясняющий» рассказ, где автор ведет свое собственное, чисто субъективное повествование, выражая «особое мнение». Автор вводит собственные мемы, оценки описываемым событиям и пытается не просто донести информацию, а вовлечь, заинтересовать, вызвать определенную эмоциональную реакцию.

Смысл термина «нарратив» достаточно ясен из его происхождения: он был заимствован из историографии, где впервые появился при разработке концепции «нарративной истории», которая рассматривала исторические события как произошедшие не в результате закономерных исторических процессов, а возникшие в контексте рассказа об этих событиях, неразрывно связанные с их интерпретацией. Авторы данной статьи целиком и полностью согласны с метатеоретической позицией И.В. Троцук: социологические трактовки нарратива опираются на сформулированные в рамках философии, лингвистики, истории, психологии и других гуманитарных наук положения и ориентированы включать в понятие нарративного анализа характеристики качественного подхода в социологии в целом; необходимость прояснения понятийно-категориального аппарата качественных исследований, прежде всего относительно взаимосвязей базовых понятий, очевидна.

По содержательному наполнению многие из базовых понятий действительно часто пересекаются, совместное использование как синонимов объясняется неоднозначностью и, как верно утверждает И.В. Троцук, «шлейфом многолетних дискуссий» в тех дисциплинах, из которых эти понятия были заимствованы, а затем реинтерпретированы и использованы в социологии.

По критерию «теоретичности»/«эмпиричности» используемые в анализе текстовых данных базовые понятия И.В. Троцук предложила упорядочить как «документ – текст – нарратив – метанарратив – дискурс». По ее мнению, именно эта последовательность в «чистой теории» фиксирует переход от реального объекта (конкретный документ) к теоретическому конструкту (дискурс) и вполне соответствует традиционной для эмпирического исследования реверсивной логике переходов от концептуальных к операциональным определениям [27, с. 70]. Не вызывает сомнения и то, что нарративный подход в социологии, предполагающий повсеместный характер рассказывания «историй», предопределяет нарративы как формы

поведения, паттерны, социальные действия, возникающие в определенных условиях и ориентированные на других, и что именно посредством нарратива жизнь человека превращается в осмысленное целое, а жизнь социума формируется различными способами переплетения индивидуальных повествований [28, с. 45].

Вместе с тем важно обратить внимание именно на то, что та или иная логика использования понятия «нарратив» в социологии бывает весьма своеобразной и трудно поддается чисто логическому расчету и рациональному учету. Нарратив в таком виде как идеальный тип по Макс Веберу – просто еще один из видов (типологий) ментальной конструкции, которая подвержена процедуре как подтверждения, так и опровержения.

Хорошим примером использования нарратива в сельской социологии является яркий эпизод из книги Йохана Галтунга (Johan Galtung) о «членах двух миров» в его исследовании развития трех деревень в Западной Сицилии [29], в которой он конструктивно соединил качественный и количественный подходы, обследовав эти самые три деревни, назвав их «Коллина», «Марина» и «Монтанья», чтобы тем самым продемонстрировать если не типичный, то хотя бы не единичный характер этих территориальных поселений. О каждой из деревень он получил исчерпывающую нарративную информацию по следующим переменным: культурный менталитет (следуя П. Сорокину, он установил «чувственное» и «идеационное» значение данного признака), физическая мобильность, в том числе социально-структурная, пространственная, временная, миграционная («домоседы» и «летуны»), «аморальный фамилизм» (в дихотомии: «нефамилисты» и «фамилисты»). Всего выборка Йохана Галтунга составила 408 жителей в трех деревнях, и с точки зрения сегодняшних количественных подходов она может выглядеть «недостаточно репрезентативной» (если, к примеру, применять формулу Паниотто, считая всех жителей деревень в Западной Сицилии как «достаточно большую» генеральную совокупность, ошибка выборки по одному

признаку должна составлять не менее 7%, но что это означает на самом деле...). Однако реальная выборка была просто уникальной: в нее входили только главы семей – так называемые *сарофамiglia* (домовладельцы). Аргумент простой: иные жители не принимают никаких решений. Йохан Галтунг, используя в том числе данные статистического учета, строго акцентировал аналитическое социологическое внимание на изучении именно этой категории жителей итальянских деревень: домовладельцев *сарофамiglia* – хозяев, владельцев земли и дома как собственников не только жилища, но и многих прилегающих к нему территорий, принимающих абсолютно все ключевые решения. «Такова особенность традиционных обществ: других опрашивать нецелесообразно» [29, с. 70]. В отличие от итальянского опыта в нашем исследовании в Тюмени были опрошены хоть и не «хозяева земли», но люди, претендующие по меньшей мере на этот статус.

С учетом всех возможных контекстов «уникальности» авторы данной статьи разработали свои подходы к работе с жителями тюменских деревень и сельских территорий. В *табл. 1* представлены своеобразные «нарративы» – гайд экспертного интервью для экспертной группы представителей бизнеса. Аналогичная схема и содержание вопросов (примерно) были предложены с учетом специфики деятельности представителям власти и общественных организаций как респондентам. В левой колонке указаны исследовательские задачи, в правой – предлагаемые вопросы для обсуждения. Для теории нарратива, конечно, важно объяснить, как появились вопросы для обсуждения в данной формулировке. Подчеркнем, что для рабочей группы это было не первое исследование по проблемам сельского хозяйства и сельских территорий Тюменской области, у нас имелись собственные эмпирические наработки и теоретическое видение актуальных проблем. В то же время следует указать, что не было той идеальной схемы нарративов в стиле детально разработанной метатеоретической позиции И.В. Троцук, о которой говорилось выше в методологической части данной статьи. Однако

Таблица 1. Гайд экспертного интервью для экспертной группы «представители бизнеса»

Исследовательские задачи	Предлагаемые вопросы для обсуждения
Вводная часть	<p><i>Коротко расскажите, пожалуйста, о себе, своем профессиональном становлении.</i></p> <p>Каков Ваш трудовой опыт? Какое у Вас образование (какой вуз окончили и по какой специальности)?</p> <p>Как связано полученное образование с Вашей современной деятельностью? Есть ли у Вас дополнительное образование? А опыт обучения в зарубежных вузах, возможно, стажировки?</p> <p>Где Вы работали? Как развивались предприятия, где Вы работали? К каким изменениям в Вашей жизни это привело?</p>
Получить экспертную оценку институциональной динамики АПК	<p><i>Немного о компании (организации), которую Вы представляете.</i></p> <p>Каково количество работников в организации (размер бизнеса/организации)? Какова отраслевая направленность (основная сфера деятельности) Вашей компании (организации)? Как долго осуществляет она свою деятельность? Выделите основные вехи развития Вашей компании? С чем они связаны?</p> <p>Коснулись ли вас процессы агропромышленной интеграции, процессы изменения формы собственности, концентрация и централизация ресурсов (земли, капитала)?</p> <p>В каких видах кооперации участвовали?</p> <p>Есть ли прямые конкуренты на данной территории, в регионе?</p> <p>Сколько лет Вы работаете в данной компании (организации)? А в текущей деятельности/должности?</p> <p>Какое влияние на деятельность компании оказали изменения территории, где Вы живете/работаете?</p> <p><i>На Ваш взгляд, что в наибольшей степени определяет нынешнее развитие территории и институциональную динамику:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – государственные (федеральные, региональные) программы поддержки; – экономические/рыночные факторы/механизмы; – социальные инициативы; – другое (культура, экология, приближение города / формирование городской агломерации)
Выделить успешные региональные практики: <ul style="list-style-type: none"> – применения инновационных технологий; – разработки и внедрения инновационных экологически ориентированных решений 	<p><i>Можете ли Вы привести примеры разработки и внедрения инновационных технологий в АПК? А на Вашем предприятии/компании? Какую экономическую и социальную отдачу от них получили?</i></p> <p>Имеются ли примеры экологически ориентированного производства сельскохозяйственной продукции (в регионе, на Вашей территории)? Если да, то что это за продукция? На Ваш взгляд, насколько это направление перспективно? Может ли оно рассматриваться как «точка роста» для территории?</p> <p>По Вашему мнению, есть ли заинтересованность общества (государства, бизнеса, населения) в развитии этих видов деятельности? Если да, то в чем это проявляется?</p> <p>Какую реальную поддержку сегодня могут найти инициативные предприниматели и граждане, проживающие на данной территории, со стороны органов государственной власти, муниципальных органов управления? В чем она проявляется? Приведите примеры.</p> <p>Способствуют ли появлению «точек роста» действующие государственные/региональные стратегические программы?</p>
Определить тенденции влияния изменения климата на экономическую деятельность, возможные риски и их восприятие	<p>Сказываются ли изменения климата на условиях хозяйственной деятельности (сельскохозяйственных отраслей) в ЯНАО?</p> <p>Если да, то каким образом?</p> <p>По Вашему мнению, сложившиеся институты контроля за изменениями климата как-то могут повлиять на институциональную динамику сельских территорий?</p>

<p>Выявить и охарактеризовать основные проблемы сельских территорий</p>	<p>С какими препятствиями в работе Вам приходится сталкиваться в настоящее время? Если нужна поддержка в бизнесе, то к кому Вы обратитесь за помощью (партнеры по бизнесу, родственники, друзья, муниципалитет/администрация, общественные организации)?</p> <p>Назовите, пожалуйста, основные проблемы сельской территории, где Вы работаете? Что должно измениться, чтобы эти проблемы были решены? Какие структуры/организации должны или могут в этом помочь?</p> <p>Какую роль в решении указанных проблем играет / может играть Ваша компания (организация)?</p>
<p>Определить существует ли специфический тип человеческого и социального капитала в сельских территориях</p>	<p>Есть мнение, что на селе работают особые люди. Насколько Вы согласны с этим утверждением?</p> <p>Какие профессиональные качества наиболее важны для работника Вашей компании? А что можно выделить среди их личностных характеристик?</p> <p>Современная цифровизация экономики требует от работников Вашей компании освоения новых компетенций?</p>
<p>Выявить перспективы развития сельских территорий</p>	<p>Можете ли назвать наиболее перспективные направления развития места, где Вы живете/работаете? Какая сфера экономики и/или АПК, на Ваш взгляд, развивается лучше? Что этому способствует?</p> <p><i>Образ будущего</i></p> <p>Каким Вам видится будущее поселения, где Вы живете и работаете?</p> <p>Как Вы думаете, что/какие процессы могут обеспечить устойчивое развитие сельской территории? А в нашем регионе? На данной территории?</p>
<p>Дополнительные вопросы по блоку кооперации</p>	<p>Расскажите историю становления кооператива, основные вехи развития.</p> <p>Плюсы и минусы участия сельхозпроизводителей в кооперации равнозначны для всех членов кооператива? Есть ли различия для мелких и крупных производителей?</p> <p>Какие виды кооперации развиваются активнее, почему именно они?</p> <p>Значение кооперации с с/х падает или растет? (Мы знаем, что в 90-е оно стремительно падало, а сегодня?)</p> <p>Областной сельскохозяйственный кредитный потребительский кооператив «Тюмень» можно назвать успешным примером развития кооперации? Почему? Приведите примеры успешных кооперативов?</p> <p>Что нужно для привлечения аграриев в кооперативы? Кто идет? Насколько охотно? Почему не идут?</p> <p>Как кооперация влияет на развитие поселения? А на социальную жизнь на селе?</p> <p>Есть ли целевая программа по развитию кредитной сельхозкооперации? Какого уровня программа?</p>
<p>Источник: Опрос летом 2020 года, сельские районы Тюменской области. Выборка – всего 60 человек, из них 20 человек – представители бизнеса.</p>	

присутствовало некоторое интуитивное понимание необходимости соотносить концептуальные построения социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий в контекстах критического реализма, социального конструктивизма и институционализма. Научный подход критического реализма привлек наше внимание благодаря своей приверженности реалистической онтологии, пониманию сложности реальных событий, признанию значимости деятельности разных статусных групп и воз-

можности его совместимости с множеством разнообразных методологий.

Отметим, что пример практически полного текста одного интервью представлен в нашей статье [30], а ознакомиться с более широким социально-экономическим контекстом можно в нашей работе [31].

В табл. 2 данной статьи представлены нарративы по теме «Отношения между властью и сельскими жителями в интервью «Развитие сельских территорий» (в виде модели 1).

Таблица 2. Отношения между властью и сельскими жителями в интервью «Развитие сельских территорий» (модель 1)

Власть помогает, есть диалог с властью	Нет диалога с властью, иждивенчество
Местная власть, которая вообще задает тон	Отношения с властью складываются по модели «родитель – ребенок»
Кто сегодня управляет жизнью на селе? Государство, если его представители понимают, ради чего, чему они служат, какими ресурсами они обладают, ради чего они выдают этот ценностный ряд, чем управляют и кто задает определенный тон	У населения сформировалась ментальность еще с советских времен, что «за все отвечает администрация». Если отключается свет, то люди пишут: «Глава, где свет?», «А где вода?» Люди не понимают, что я нахожусь в практически такой же ситуации, что и они
У нас 14 территорий, каждая территория в формате онлайн. Задавай вопросы, любой вопрос... Мы собрали все, ... распечатали, сгруппировали, отфильтровали, убрали «бред всякий». Оставили ключевые проблемы и оформили их как наказы избирателей депутатам и нам как команде, для работы	Население стало очень грамотным: они знают отлично свои права, (наши) обязанности... Во все органы, причем жалобы, ладно в органы. В соцсетях мода пошла писать в ВКонтакте, что сейчас дико раздражает, пишут в мессенджерах в вайбере. ... правосознание – это... когда ты знаешь права и обязанности свои, а тут больше склонность к сутяжничеству, нет стремления к диалогу
Райцентры во многом приведены в порядок. А это именно поселковое образование, глубинка, там, где производство сельхозпродукции. В райцентрах много сделали, но не райцентры производят сельхозпродукцию, производит глубинка, поэтому надо обустроить глубинку. Ведь вот это обустройство, оно на что влияет? Оно влияет: задержатся специалисты, не задержатся, придет или не придет. Будь то образование, здравоохранение, культура и прочее, прочее	Население просто не проинформировано, человек не знает о том, что от государства можно получить грант на разные цели. Конечно, проблема на селе социальная сегодня – это инфраструктура села. Из-за этого все проблемы, скажем так. В связи с тем что попереезжала молодежь сегодня, и проблемы сегодня в образовании
Территорию к своему дому прибирают самостоятельно, не надо объявлять никакие субботники, они ходят и прибирают, в этом плане население чистоплотное, а вот что какую-то общую территорию, но бюджетники у нас, как говорится, латают все дыры, объявляем субботник – бюджетники выбегают, делают, вот так вот население массово не приходит	Молодежь есть, но молодежь не сильно хочет работать, они болтаются, не хотят идти ни на трактор, ни на комбайн, водителем там еще кто-то может устроиться, а вот механизатором не очень, контингент не тот, остался в деревне тот контингент, который школу не может закончить по-нормальному
Вот сейчас у нас развиваются мелкие хозяйства, крестьянско-фермерские хозяйства. В этой части и будет, наверное, больше развиваться сельское хозяйство, они экономически более эффективны. Потому что предприятия держат большой штат работников, необходимо большие налоги платить. Если взять производство одной и той же продукции в крестьянско-фермерском хозяйстве и на крупном предприятии, то себестоимость очень разная. Для сельхозпредприятия одна ставка, для малых форм хозяйствования – другая ставка, гораздо меньше	На данный момент, если говорить о жизни в селах, достаточно высокий уровень безработицы и в то же время достаточная кадровая проблема. Есть районный центр, а есть... деревни... вообще на всю улицу два дома жилые, много бабушек, инвалидов, алкашей, соответственно, воровство, отсутствие диалога между всеми категориями, мелкими формами хозяйствования, главами районов, исполнительной властью, губернатором
Сегодня, если говорить о федеральной поддержке по максимуму, самая серьезная поддержка оказывается большим холдингом, ну, это все понятно. Да, кто в этом холдинге развивается, поглощает мелочевку, все есть	Людей больше интересуют бытовые вопросы: это дорога, свет, мусорные контейнеры, остановка. Именно по таким вопросам больше всего обращений. А сами ничего делать не будут, будут ждать
Крупные предприятия нормально себя чувствуют, они работают с господдержкой, многие компании федерального значения даже заходят в те регионы, в которых существует господдержка на те направления, которые их интересуют	Т. е. у нас сейчас на территории, получается, осталось только два работающих предприятия... А личные подсобные хозяйства, фермерские хозяйства – как бы как такового нет. Т. е. личное подсобное, количество скота, так скажем, сократилось, ...потому что все дорого стало
Мы привыкли к такому укладу, что у меня свой собственный дом, у меня нет соседей, у меня есть земельный надел, в котором я могу что-то для себя выращивать. Чем отличаются коренные жители – они очень бережно относятся к своим домам. Пусть и в кредит, но свой дом я приведу в порядок снаружи. Куплю кованые ворота, обошью дом, сделаю черепичную крышу	Вообще идет деградация деревни, а мы не принимаем действенных мер, мы упускаем некоторые деревни, и они исчезают, молодежь не остается, клубы закрыли, ФАПы закрыли. Даже медик, когда приходит к бабушке, посмотрит ее, ей все равно просто психологически приятно будет, даже если все нормально. Сегодня опять говорят, что планируют на этот год 36 ФАПов открыть
Источник: Опрос (глубинные интервью) летом 2020 года, сельские районы Тюменской области. Выборка – 60 человек.	

На основании контент-анализа мы выявили два амбивалентных «случая из жизни»: «жить на селе хорошо», когда в целом «власть помогает, есть диалог с властью»; «жить на селе плохо», когда «нет диалога с властью», в этом случае имеется обратный весьма негативный эффект – «иждивенчество».

В ряде социологических статей, посвященных особенностям работы с текстовой информацией, рассматриваются разные техники кодирования с помощью специализированного программного обеспечения и инструментов «корпусной лингвистики» для анализа нарративов. К сожалению, нам пришлось на первом этапе исследований делать все «вручную», и лишь на последующих этапах мы будем использовать программный продукт, поскольку благодаря финансовой поддержке РФФИ мы смогли приобрести соответствующее специализированное программное обеспечение с использованием инструментов «корпусной лингвистики» и надеемся провести более масштабные и рельефные нарративные анализы полученных данных.

Пример «простой модели» отношения между свойствами жителей села и их действиями в интервью представлен в *табл. 3*.

Отметим также, что мы не использовали технику нарративного подхода, применяемого в истории, основными характеристиками которой являются «ретроспективность» (рассмотрение событий прошлого через призму настоящего и будущего); «перспективность» (зависимость оценки со-

бытий от того или иного типа мировоззрения повествователя); «избирательность» (отбор релевантной информации по заранее представленным базовым предпосылкам); «специфичность» (влияние исторического знания автора на формирование идентичности); «коммуникативность» (воздействие социокультурного дискурса на историческое знание); «фиктивность» (зависимость интерпретаций повествователя от тех социальных условий, в рамках которых они играют роль ориентира в практической жизни), «кентаврность» (сближение художественной и научной типизации на основе единства объекта познания) [27] и др. Это обусловлено ограниченным объемом статьи и узкими рамками нашего эмпирического анализа с точки зрения мета-теоретизирования.

Представленные в статье направления метатеоретического поиска соотношения концептов социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий в контекстах критического реализма, социального конструктивизма и институционализма через процедуру нарративного опосредования продолжают попытки конструктивной интеграции социологии с другими гуманитарными науками в духе критических дискуссий о ее категориально-понятийном аппарате и необходимости прояснения разнообразных концептов методологического социального познания.

Таблица 3. Отношения между свойствами жителей села и их действиями в интервью «Развитие сельских территорий» (модель 2)

Свойство	Действие	Следствие 1	Следствие 2
Отзывчивые, добрые, трудолюбивые	Помогают друг другу, привыкли много работать, следят за домом, деревней	Образуются и развиваются кооперативы, сельскохозяйственный бизнес	Образуются новые рабочие места, развиваются сельские поселения
Недостаточно образованные, неинформированные	Пытаются организовать мелкий бизнес, ЛПХ	Не могут правильно организовать хозяйство, не умеют обращаться за помощью (грантами)	Разоряются фермерские хозяйства, малые предприятия
Малоактивные, пассивные, несамостоятельные	Требуют помощи от местной власти, государства, высказывают претензии	Ждут помощи извне (от государства, других людей, бизнеса)	Уезжают из села или спиваются. Село превращается в рекреацию городов либо вымирает

Источник: Опрос (глубинные интервью) летом 2020 года, сельские районы Тюменской области. Выборка – 60 человек.

Выводы по статье (части 1 и 2)

1. В данной статье была поставлена главная задача – раскрыть, в первом приближении, соотношения концептов социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий, взятых в современных контекстах метапарадигм критического реализма, социального конструктивизма и институционализма. На основе анализа представленного обширного материала был сделан важный вывод о подтверждении первой гипотезы о слабой совместимости научных дискурсов рассматриваемых концептов. Развитие теорий социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий идет в целом параллельно, мы установили, что в настоящее время имеется достаточно мало пересекающихся областей научного пространства и наблюдается тенденция «давления» представителей социальной географии на социологов, при том что представители социальной географии, не обладая собственным научным дискурсом в должной мере, привлекают теоретические разработки классиков социологической науки.

2. Выявлено, что традиционные подходы к качественному исследованию как в географии, так и в социологии приняли лишь одну исследовательскую парадигму, связанную с установленной типологией в каждой конкретной науке. В данной статье была предпринята попытка применения двух разных исследовательских парадигм в одном исследовании на основе подходов критического реализма (*critical realism*) (Рой Бхаскар / Roy Bhaskar и др.) и конструктивизма (*constructivism*) в рамках как традиционных подходов в русле теорий Питера Бергера, Томаса Лукмана и Альфреда Шютца, так и современных многопарадигмальных, в частности Фрэнка Богна, Альдо Райнери и Джеффа Делла (Frank Bogna, Aldo Raineri and Geoff Dell), которые ярко иллюстрируют новые методологические приложения с целью изучения конструктивистских нарративов и наблюдений, чтобы понять социальный мир участников исследования и связанных с ними действий, выявляя

причинно-следственные связи, сопряженные с этими нарративами и наблюдениями. Если критический реализм в качестве эпистемологического основания предложил важную основу для исследования причинных механизмов, которая приводит к наиболее глубокому пониманию результатов путем поиска реальных процессов и их причинно-следственных связей, лежащих на определенной ментальной глубине наблюдаемых социальных явлений, то конструктивизм как взгляд из философии науки утверждает, что научное знание создается/конструируется научным сообществом, которое стремится измерять и создавать/конструировать модели мира человека и природы, и потому социальная и объективная реальности состоят из ментальных конструкций, которые стремятся объяснить чувственный опыт и измерения. В таком контексте конструктивизм, опосредованный метатеорией нарратива, направлен на изучение значения, которое статусные представители науки и обычной жизни «конструируют»/«создают» в своих головах и развивают средствами простой коммуникации и медиа. Операционализация и верификация критического реализма и конструктивизма для решения конкретной проблемы описания сельских территорий Тюменской области придают научный статус идентификации реальных событий в рамках сельской территории, отражающих позиции власти, бизнеса и общественных организаций.

3. Доказано, что качественные методы как в социальной географии (И-Фу Туан / Yi-Fu Tuan), так и в современной социологии (Г.Г. Татарова, И.В. Троцук, П. Штомпка / Piotr Sztompka) выходят в настоящее время на первый аналитический план операционализации и верификации социальных исследований; и самое главное – они поддерживаются стратегиями метапарадигм, которые также подкрепляются обоснованными версиями Джеймса Коулмана (James Coleman) и Никласа Лумана (Niklas Luhmann). В этом отношении имеет значение проблематика эпистемологии, которая на всеобщем уровне изучает отношения «объект – знание».

Вопрос об объяснительной продуктивности этих концепций переходит в стандартную иллюстративную схему: операционализация – верификация – фальсификация (по Карлу Попперу). К сожалению, в российских исследованиях, как правило, не доходят до стадии «опровержения» (фальсификация по Карлу Попперу), чем резко обедняют исследовательские выводы.

4. На основе авторского анализа эмпирического материала сделан вывод о подтверждении второй гипотезы, а именно: «нарратив» может быть репрезентирующим форматом и формой опосредования между значениями, смыслами и содержаниями, которые могут содержаться в концептах социального пространства, социальной географии и социологии сельских территорий. Это указывает на то, что «нарратив», понимаемый так же как сказки, повествования, как некий «языковой акт», вербальное изложение о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное в виде последовательности слов или образов, как «риторически убедительный рассказ, основанный на иллюстрациях и кейсах» (Г.С. Батыгин), приобрел огромное значение во всех без исключения гуманитарных науках, а сами направления метатеоретического поиска лежат в основе прояснения категориального аппарата, объединения концептуальных подходов в модели, нуждающиеся в понятийном единстве, которое намечается к сведению методических решений, ясных группировок эмпирических данных по очевидным для всех проблемам. Целью статьи было также подчеркнуть достоинства причинного анализа, пропагандируемого критическим реализмом и социальным конструктивизмом.

5. Актуальность исследования в его эмпирической части определяется анонсированными установками и новыми практиками переориентаций чиновников федеральной власти с пассивного созерцания на активное развитие сельских территорий, сопряженное с проектом обновлений государственной

программы комплексного развития сельских территорий на 2020–2025 гг.: было предложено ее продлить до 2030 года и привести к увеличению финансирования с 1,5 до 3,3 трлн руб.⁵ Эмпирические данные, собранные авторами статьи, показали проблему хронического недофинансирования сельских регионов и представили многочисленные очевидные факты продолжающейся общей деградации села.

6. Научные вклады авторов данной статьи кратко можно обозначить следующим образом: на основании соответствующих контекстов критического реализма, социального конструктивизма и институционализма, обладающих значимостью, были произведены достаточно взвешенные оценки соотношения дефиниций социологии сельских территорий, социального пространства и социальной географии, определены общие (метаанализ и нарративы, пересекающиеся объектные области исследования) и различные (абсолютно не пересекающиеся предметные и концептуальные области исследования) компоненты, содержащие корректные оценки значимости, представлены соответствующие комментарии и пояснения, намечены будущие возможные интеграционные задачи по разрешению выявленных научных проблем. Относительно собственно социальной/человеческой географии в данной статье предлагается недетерминированный и основанный на механизмах подход к причинному объяснению и развитию ее теории. Такая теория каузального типа должна носить объяснительный характер; ее объяснительная сила зависит от идентификации и спецификации механизмов, связывающих причину и результаты в определенных историко-географических контекстах. Таково наше авторское интуитивное видение будущего социальной/человеческой географии на основании изучения современных западных книг и статей по этой тематике.

7. Эмпирическая часть исследования, в которой представлены составленный авто-

⁵ О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020–2025 годы от 03.12.2020 (ID проекта 01/01/12-20/00111225). URL: <https://regulation.gov.ru/Projects>

рами статьи опросник (гайд) для глубинных интервью, технология обработки транскрибированных данных и две нарративные модели (отношения между властью и сельскими жителями – 1 модель, отношения между свойствами жителей села и их действиями – 2 модель), выявила проблему природы «данного», которая в критическом реализме отождествляется с восприятием, с пониманием того, что «данное» условно представ-

ляет свойства внешней действительности, знание которых дает возможность субъекту ориентироваться в окружающем мире с адекватным отражением в сознании внешнего мира, что ведет к материалистической трактовке процесса познания с вполне точными, верными, соответствующими истине, соразмерными, согласующимися с самой ее природой оценками происходящих в сельских территориях событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татарова Г.Г., Кученкова А.В. «Методная» проблематика на страницах журнала «Социологические исследования» (2000–2018) // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 47–56. DOI: 10.31857/S013216250009486-7
2. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Предметно-ориентированный подход к «борьбе» с пропущенными данными в типологическом анализе // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 42–54.
3. Татарова Г.Г. Типологический анализ в социологии. М.: Наука, 1993. 103 с.
4. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. О формировании базовых типобразующих признаков для выявления социальных типов работников как объектов управления // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1. С. 32–50.
5. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Удовлетворенность работой как конструкт в эмпирических исследованиях // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 8–26.
6. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Типологический анализ наемных работников в контексте их социальной адаптации // Россия реформирующаяся: ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М.К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 21–49.
7. Замятин Д.Н. Постгеография: капитал(изм) географических образов. СПб.: Гуманитарная академия, 2014. 590 с.
8. Coleman Ja.S. *Foundations of Social Theory*. Publisher: Belnap Press, 1990. 993 p. DOI: 10.1177/000169939103400206
9. Sztompka P. *Kapital społeczny; teoria przestrzeni międzyludzkiej* Wydawnictwo znak. Krakow, 2016. 350 p.
10. Sztompka P. The Focus on everyday life: A new turn in sociology. *European Review*, 2008, vol. 16, no. 1, pp. 1–15. DOI: 10.1017/S1062798708000045
11. Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества / пер. с нем. А. Филиппова // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 100–117.
12. Троцук И.В. О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 12–21. DOI: 10.7868/S0132162517090033
13. Huhn P., Meister J.Ch., Pier J., Schmid W. (ed.). *Handbook of Narratology*. De Gruyter; 2nd Edition, Fully Revised and Exp ed. ix, 2014. 468 p.
14. Лозинская Е.В. Практическое руководство по нарратологии. Рецензия на книгу: *Handbook of narratology* / Ed. by Huhn P., Pier J., Schmid W., Schonert J. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. 468 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2011. № 1. С. 24–31.
15. Алещанова И.В. Нарратив как культурная модель // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. № 1. С. 38–43.
16. Алещанова И.В. Нарративность: определение понятия // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2006. № 3 (16). С. 43–47.
17. Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 4. С. 95–107.

18. Зайцева Ю.Е. Модель нарративного анализа стиля идентичности // Вестн. СПбГУ. Сер. 16: Психология и педагогика. 2016. Вып. 4. С. 6–22. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.401
19. Зайцева Ю.Е. Время смысла: нарративный модус временной перспективы // Вестн. СПбГУ. Сер. 16: Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 1. С. 16–33.
20. Лехциер В.Л. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Междунар. журн. иссл. культуры (International Journal of Cultural Research). 2013. № 1 (10). С. 5–8.
21. Маслов Е.С. Нарратив и целеполагание: соотношение структуралистского и феноменологического подходов // Ученые зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 66–75.
22. Мюрберг И.И. Нарративизм и социальная философия: к истории «нарративного поворота» в современном обществознании // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 4 (38). С. 12–17.
23. Терехова Т.А., Малахаева С.К. Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. 2015. № 1 (41). С. 143–152.
24. Тищенко Н.В. Применение нарративного анализа в исследованиях культуры: pro et contra // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 98–101.
25. Эльдарион А.А. «Нарративный поворот» в современной философии истории: проблемы и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (77). В 2-х ч. Ч. 2. С. 209–212.
26. Готлиб А.С. Анализ нарративов в социологии: возможности и проблемы использования // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 9–14.
27. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестн. РУДН. 2004. № 6–7. С. 56–74.
28. Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии: монография. М.: Уникум-центр, 2006. 207 с.
29. Galtung J. *Members of Two Worlds: A Development Study of Three Villages in Western Sicily*. New York: Columbia University Press, 1972. 302 p.
30. Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Худякова М.В. Современные мировые контексты социологии села в реалиях российской сельской жизни // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Сер.: Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 3 (23). С. 79–129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129
31. Развитие сельских территорий в Уральском федеральном округе: современные воспроизводственные практики / В.А. Давыденко [и др.] // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Сер.: Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 4 (24). С. 28–70. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-28-70

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Владимировна Андрианова – заведующий кафедрой, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; старший научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Свердлова, д. 5; e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

Владимир Александрович Давыденко – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет». Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: vlad_davidenko@mail.ru

Юлия Владимировна Ушакова – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет». Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: ushakovajuli@gmail.com

Andrianova E.V., Davydenko V.A., Ushakova Yu.V.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN DEFINITIONS OF SOCIOLOGY OF RURAL AREAS, SOCIAL SPACE, AND SOCIAL GEOGRAPHY: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

PART 2

The second part of the article tries to verify the unity of social space, social geography, and sociology of rural areas on the basis of multi-paradigm narrative model and author's empirical research in order to further study their constructivist components, as well as to understand the social world of the analyzed respondents as participants of a general study and related actions, while determining explicit and implicit causal relationships. Theoretical basis of this empirical approach is critical realism, social constructivism, and institutionalism which, according to the authors of the article, allow adequately interpreting empirical social phenomena. Empirical verification of the far mentioned hypotheses (about the weak compatibility of the scientific discourses of the studied concepts of social space, social geography, and rural sociology; that the points of their possible contact should be narratives which can be specific representative formats of mediation between the values, meanings, and contents of these concepts) was conducted on the basis of 60 in-depth interviews using content analysis methods, narrative technologies (I. Trotsuk) and typological (G. Tatarova) types of research. In particular, the article carries out the content analysis of in-depth interviews on the author's topic of rural development, proposes a narrative ambivalent model of the relationship between the government and rural residents, where the statement "The government helps, there is a dialogue with the government" is at one pole, and "The government does not help, there is no dialogue with the government" – at the other one. As a result, there is dependency and other forms of destructive behavior in rural areas. The authors propose the additional methodological foundations to study causal mechanisms, key processes, and causal relationships. They contribute to a deeper understanding of the results of theoretical and empirical research of the observed social and organizational phenomena in rural areas, operationalized and verified at the "junctions" and interdisciplinary boundaries of social space, social geography, rural sociology, critical realism, social constructivism, and institutionalism.

Sociology of rural areas, social space, social geography, sociology of rural areas, rural sociology.

REFERENCES

1. Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. Methodological issues on the pages of the journal "Sociological Studies" (2000–2018). *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*, 2020, no. 7, pp. 47–56. DOI: 10.31857/S013216250009486-7 (in Russian).
2. Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. Subject oriented approach to the "battle" with the missing data in typological analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya=Sociological Studies*, 2017, no. 12, pp. 42–54 (in Russian).
3. Tatarova G.G. *Tipologicheskiy analiz v sotsiologii* [Typological Analysis in Sociology]. Moscow: Nauka, 1993. 103 p.
4. Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. Formation of basic type-building variable for identification of the social types of workers as object of managing. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika=Sociological Science and Social Practice*, 2014, no. 1, pp. 32–50 (in Russian).

5. Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. Satisfaction with work as a construct in empirical studies. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*, 2017, vol. 23, no. 1, pp. 8–26 (in Russian).
6. Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. Typological analysis of employees in the context of their social adaptation. In: *Rossiya reformiruyushchayasya: yezhegodnik (sbornik nauchnykh statey)* [Reforming Russia: Yearbook (Collection of Scientific Articles)]. Ed. by Gorshkov M.K. Moscow: Novyy Khronograf, 2016, iss. 14, pp. 21–49 (in Russian).
7. Zamyatin D.N. *Postgeografiya: kapital(izm) geograficheskikh obrazov* [Post geography: Capital(ism) of Geographic Images]. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya, 2014. 590 p.
8. Coleman Ja.S. *Foundations of social theory*. Publisher: Belnap Press, 1990. 993 p. DOI: 10.1177/000169939103400206
9. Sztompka P. *Kapital spolecznv; teoria przestrzeni miedzyludzkiej* Wydawnictwo znak. Krakow, 2016. 350 p.
10. Sztompka P. The Focus on everyday life: A new turn in sociology. *European Review*, 2008, vol. 16, no. 1, pp. 1–15. DOI: 10.1017/S1062798708000045
11. Luhmann N. “What is the case?” and “What is hidden behind it?” Two sociologies and the theory of society. Transl. by: Filippov A. *Sotsiologicheskoye obozreniye=Sociological Review*, 2007, vol. 6, no. 3, pp. 100–117.
12. Trotsuk I.V. Metatheorizing in the sociological study of textual data. *Sotsiologicheskiiye issledovaniya=Sociological Studies*, 2017, no. 9, pp. 12–21. DOI: 10.7868/S0132162517090033 (in Russian).
13. Huhn P., Meister J.Ch., Pier J., Schmid W. (ed.). *Handbook of Narratology*. De Gruyter; 2nd Edition, Fully Revised and Exp ed. ix, 2014. 468 p.
14. Lozinskaya E.V. Practical guide to narratology. Book review: Handbook of narratology. Ed. by Huhn P., Pier J., Schmid W., Schonert J. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2009. 468 p. *Sotsial’nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedeniye=Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, 2011, no. 1, pp. 24–31 (in Russian).
15. Aleshchanova I.V. Narrative as a cultural model. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya=NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2006, vol. 4, no. 1, pp. 38–43 (in Russian).
16. Aleshchanova I.V. Narrative: defining a concept. *Izvestiya volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2006, no. 3 (16), pp. 43–47 (in Russian).
17. Evstigneeva N.V., Oberemko O.A. Narrative analysis models. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye=Human. Community. Management*, 2014, no. 4, pp. 95–107 (in Russian).
18. Zaitseva Yu.E. Model of narrative analysis of personal identity style. *Vestnik SPbGU. Seriya 16. Psikhologiya i pedagogika=Vestnik of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2016, iss. 4, pp. 6–22. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2016.401 (in Russian).
19. Zaitseva Yu.E. Time of meaning: narrative modus of time perspective. *Vestnik SPbGU. Seriya 16. Psikhologiya i pedagogika=Vestnik of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 16–33 (in Russian).
20. Lekhtsier V.L. Narrative turn and the actuality of the narrative mind. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniya kul’tury=International Journal of Cultural Research*, 2013, no. 1 (10), pp. 5–8 (in Russian).
21. Maslov E.S. Narrative and goal setting: relationship between structuralism and phenomenological approaches. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnyye nauki=Scientific Notes of Kazan University. Series Humanities*, 2015, no. 1, pp. 66–75 (in Russian).
22. Myrberg I.I. Narrativity and social philosophy: towards the history of “narrative turn” in modern social science. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal’nem Vostoke=Humanities research in the Russian Far East*, 2016, no. 4 (38), pp. 12–17 (in Russian).
23. Terekhova T.A., Malakhaeva S.K. Narrative analysis as an understanding method. *Gumanitarnyy vektor=Humanitarian Vector*, 2015, no. 1 (41), pp. 143–152 (in Russian).
24. Tishchenko N.V. Application of narrative analysis in the studies of culture: pro et contra. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul’tura=Society: Philosophy, History, Culture*, 2016, no. 5, pp. 98–101 (in Russian).

25. El'darion A.A. "Narrative turn" in modern philosophy of history: problems and prospects. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki=Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 3 (77), part. 2, pp. 209–212 (in Russian).
26. Gotlib A.S. Narrative analysis in the field of sociology: opportunities and usage problems. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniya kul'tury=International Journal of Cultural Research*, 2013, no. 1 (10), pp. 9–14 (in Russian).
27. Trotsuk I.V. Narrative as an interdisciplinary methodological construct of contemporary social science. *Vestnik RUDN=Vestnik RUDN*, 2004, no. 6–7, pp. 56–74 (in Russian).
28. Trotsuk I.V. *Teoriya i praktika narrativnogo analiza v sotsiologii: monografiya* [Theory and Practice of Narrative Analysis in Sociology: Monograph]. Moscow: Unikum-center, 2006. 207 p.
29. Galtung J. *Members of Two Worlds: A Development Study of Three Villages in Western Sicily*. New York: Columbia University Press, 1972. 302 p.
30. Davydenko V.A., Andrianova E.V., Khudyakova M.V. Contemporary world contexts of rural sociology in the Russian rural life realities. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya=Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law research*, 2020, vol. 6, no. 3 (23), pp. 79–129. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-3-79-129 (in Russian).
31. Davydenko V.A. et al. Development of rural areas in the Ural federal district: modern reproduction practices. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya=Tyumen State University Herald. Social, economic, and Law Research*, 2020, vol. 6, no. 4 (24), pp. 28–70. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-28-70 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Andrianova – Head of Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "University of Tyumen". 6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation. Senior Researcher, West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 5, Sverdlov Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: e.v.andrianova@utmn.ru

Vladimir A. Davydenko – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Head of Research Center, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "University of Tyumen". 6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: vlad_davydenko@mail.ru

Yulia V. Ushakova – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "University of Tyumen". 6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: ushakovajuli@gmail.com